

Николай Водовозов

Роберт Мальтус. Его жизнь и научная деятельность

Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова)

Николай Водовозов

**Роберт Мальтус. Его жизнь
и научная деятельность**

«Public Domain»

1895

Водовозов Н. В.

Роберт Мальтус. Его жизнь и научная деятельность /
Н. В. Водовозов — «Public Domain», 1895 — (Жизнь
замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова))

«Книги и люди имеют свою судьбу. И как подчас жестока, как трагична бывает эта судьба!.. Ученый экономист, трудолюбивый исследователь, провозвестник нескольких истин, которыми может гордиться наука, Мальтус для большой массы читающей публики служит не то каким-то пугалом, не то мишенью для насмешек. С именем его в обществе тесно связано представление об... abortивных средствах. Во Франции можно часто встретить кличку „мальтузианка“ в применении к жуирующей даме высшего круга, не желающей себя обременять потомством...»

Содержание

Введение и глава I	5
Глава I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Водовозов

Роберт Мальтус. Его жизнь и научная деятельность

Введение и глава I

Книги и люди имеют свою судьбу. И как подчас жестока, как трагична бывает эта судьба!.. Ученый экономист, трудолюбивый исследователь, провозвестник нескольких истин, которыми может гордиться наука, Мальтус для большой массы читающей публики служит не то каким-то пугалом, не то мишенью для насмешек. С именем его в обществе тесно связано представление об... абортивных средствах. Во Франции можно часто встретить кличку «мальтузианка» в применении к жуирующей даме высшего круга, не желающей себя обременять потомством. Что же, и в самом деле Мальтус давал рецепты против невольных последствий жуирования, и в самом деле его главной заботой было открыть предупредительное средство против деторождения? Ничуть не бывало, ни одного слова об этом мы не находим в сочинениях Мальтуса. Но, в таком случае, какое же отношение находят так называемые «мальтузианцы» и «мальтузианки» к автору «Опыта о народонаселении»? Точно такое же, как «дарвинист» Поль Астье из драмы Додэ к знаменитому английскому биологу или «детерминист», герой романа Бурже «Ученик» – к философу-историку Тэну...

Нравственные принципы и правила поведения люди не вычитывают из книг, они их составляют сами, под влиянием столкновений с действительной жизнью. Но у нас есть потребность приклеивать к убеждениям ярлыки, давать людям известные клички. И вот эти-то ярлыки, эти клички мы и заимствуем из «умных книжек», заимствуем иногда неудачно, заимствуем из книг, которых даже не читали, просто лишь понаслышке... Отсюда получаются удивительные курьезы: Дарвин оказывается ответственным за парижских искателей приключений, Тэн – за психопатов, Мальтус – за дам полусвета!

Однако, кроме таких *насильственных*, навязанных Мальтусу учеников, у него есть ученики и вполне добровольные, компрометирующие его не менее первых. Такие «ученики» имеют одну, всем им свойственную черту: им нет дела до научных основ учения Мальтуса, они берут только его практические выводы, и то не все, а лишь некоторые, пригоняют их так или иначе к собственному мирозерцанию и затем изготовленную таким образом однубокую, фальшивую доктрину приписывают автору «Опыта о народонаселении». В Англии и во Франции существует два разных преобладающих типа мальтузианцев. На родине Мальтуса, уже после его смерти, образовался целый кружок лиц, объединенных той идеей, что, так как естественный прирост населения грозит человечеству страшными бедствиями, обязанность каждого – по возможности воздерживаться от произведения на свет большого потомства. Требование это находится еще в известном согласии с учением, развитым в «Опыте о народонаселении», но наши мальтузианцы идут далее самого Мальтуса. Так как, говорят они, главное заключается в том, чтоб население не слишком размножилось, – в сущности довольно безразлично, какими средствами достигается эта важная цель. И они придумали целый ряд средств – таких, о которых в сочинениях общего характера не принято даже говорить. *Нравственное* воздержание Мальтуса превратилось у его учеников в *безнравственное*... Преобладающий тип французских последователей Мальтуса имеет своеобразный оттенок. В то время, как мальтузианцы в Англии говорили о «нравственном долге *каждого*», об обязанностях «индивида перед обществом», мальтузианцы во Франции несколько сузили круг лиц, которым, по их мнению, обязательно обречь себя на воздержание. Людям богатым стесняться нечего, но бед-

ным... Жениться, когда не можешь содержать семью, разве это не возмутительно?! Вот в этом-то, в невоздержанности, в беззаботности, с которой бедняки обзаводятся семьями, и заключается, по мнению некоторых французских экономистов, причина их особенной нищеты, причина того, что они не могут подняться на высшую ступень общественной лестницы. Недаром и само слово – пролетарий, происходя от латинского слова *proles*, означает столько же «бедный», сколько и «наклонный к размножению», «плодовитый». Итак, заключают наши мальтузианцы, вся нищета в современном нам строе происходит от чрезмерного размножения низших классов; весь социальный вопрос заключается в том, как бы привить пролетариям привычки к самообузданию и аскетическое отношение к любви и браку. Едва ли нужно говорить о всей жестокости такого совершенно своеобразного экономического *материализма*, согласно которому только деньгами покупается право на любовь и семейное счастье...

Определить с полной точностью ту долю вреда, которую принесли Мальтусу в общественном мнении французские и английские его ученики, конечно, невозможно, но мы склонны думать, что более половины тех постоянных нареканий в *жестокости* и *безнравственности*, которые всегда в таком изобилии расточаются по адресу Мальтуса, обязаны своим происхождением не «Опыту о народонаселении», а уже позднейшим вольным его толкованиям и комментариям. Обвинять Мальтуса в безнравственности – значит обнаруживать прямо свое незнание с «Опытом о народонаселении». Быть может, высшая мораль, мораль будущего, действительно не вполне согласуется с нравственными принципами английского мыслителя, но та ходячая, будничная мораль, с точки зрения которой Мальтуса забрасывали грязью, «Опытом о народонаселении» решительно не может почитаться затронутой. Более основания имеют объяснения в жестокости, хотя и тут, повторяем, надо отделить взгляды самого Мальтуса от всех позднейших наслоений и приклеек его учеников. Учение Мальтуса безотраднo, но надо показать, что оно ложно, иначе в чем же виноват исследователь, вскрывающий язвы общественной жизни? Разве ему, а не самой жизни обязан он своим существованием? Выводы, которые Мальтус делает из своих теоретических посылок, подчас действительно жестоки, но надо показать, что выводы эти сделаны неправильно, иначе какое значение могут иметь все наши жалобы?

Вот те соображения, по которым, знакомя читателей с Мальтусом, мы совершенно отрешились от той ходячей *моральной* оценки, которая, по нашему мнению, только вредит пониманию высказанных этим экономистом идей. Вообще, мы старались возможно полнее и возможно ближе к подлиннику изложить взгляды Мальтуса – писателя, всем известного по имени, но мало кому известного по его сочинениям. Чтобы изобразить мировоззрение Мальтуса во всей его полноте, мы считали необходимым, не ограничиваясь обзором одного «Опыта о народонаселении», обратиться и к другим, мало известным его сочинениям («Основания политической экономии», «Определения в политической экономии», «Природа и возрастание ренты»). Таким образом, учению Мальтуса о народонаселении мы предпослали изложение его общих экономических взглядов, весьма любопытных самих по себе и в то же время находящихся в полной гармонии и уясняющих нам ту доктрину, изображению которой посвящен и «Опыт о народонаселении». Быть может, для иных, незнакомых с политической экономией читателей эта глава (вторая), где мы трактуем взгляды Мальтуса на прибыль, ренту и заработную плату, где говорится об определениях экономических понятий и излагается его учение о фонде заработной платы, о кризисах и т. п., покажется чересчур специальной и трудной, хотя мы и сделали все от нас зависящее, чтобы придать изложению наиболее популярный характер. В таком случае читатели пускай пропустят всю общеэкономическую главу и обратятся прямо к не требующему никакой специальной подготовки народонаселенческому учению Мальтуса. Тут они найдут сначала исторический обзор тех взглядов на народонаселение, которые господствовали до Мальтуса, в древности, в средние века и в наше время. Такой обзор, считаем мы, необходим для уяснения того значения, которое «Опыт о народонаселении» получил в науке и в жизни.

Не утруждая читателей разбором всех замечаний, предъявленных многочисленными критиками «Опыта», мы постарались лишь доказать, в какой степени аргументы противников Мальтуса колеблют его учение. По нашему критическому очерку читатели, надеемся, будут иметь возможность судить, что именно из этого учения сделалось уже достоянием прошлого и что, пережив критику истории, осталось непоколебимым вплоть до настоящего времени.

Мы льстим себя надеждой, что, каковы бы ни были недостатки нашей работы, читатели из нее познакомятся не с тем мнимым, фантастическим Мальтусом, который так часто служил мишенью для нападков и для насмешек якобы читающей публики, который вызывал столь неосновательные обвинения в безнравственности и столь преувеличенные жалобы по поводу своей жестокости, но с Мальтусом настоящим, реальным, с великим экономистом, обогатившим науку весьма замечательными исследованиями и прямо, можно сказать, создавшим учение о народонаселении, до того времени не существовавшее и сохранившееся в своих основных чертах неизменным даже до наших дней.

Глава I

Отец и родина Мальтуса. – Первые воспитатели. – Кембридж. – Начало литературной деятельности. – «Опыт о народонаселении», его успех. – Путешествия. – Годы учительства. – Друзья, литературные противники. – Характер Мальтуса и отзывы окружавших его.

Задача биографа Мальтуса не из особенно благодарных. Не то, чтобы жизнь и характер автора знаменитого «Опыта о народонаселении» не представляли никакого интереса для современников, не то, чтобы наши сведения о нем были уж слишком скудны (хотя они действительно не отличаются большой полнотой), но дело в том, что трудно представить себе жизнь более однообразную и в такой степени лишенную движения и внешних событий, как та, которую вел Мальтус. Кабинетный ученый, священник и профессор, он с ранней молодости и до конца своих дней занимался одним и тем же: учился и учил других. Все его интересы, все помыслы и наслаждения сводились к этому главному пункту; единственными внешними вехами его внутренней жизни являются для нас его работы. Пусть же читатель не удивляется, что в книжке, посвященной биографии Мальтуса, он найдет сравнительно мало чисто биографического элемента и, наоборот, так много о его сочинениях. Иначе мы не сумели бы оценить по заслугам значение человека, творения которого принадлежат всему миру, а жизнь – небольшому кругу юных учеников и друзей.

О предках Мальтуса сведений не имеется. Известно только, что один из них, Франсис, а другие говорят Томас Мальтус, издал в 1629 году на французском и на английском языках сочинение: «Фейерверки, фортификация и арифметика». Это нам дает повод отметить в семье литературные традиции, поддержанные отцом Мальтуса и переданные сыну как бы по наследству. К характеристике отца и сводится в сущности все, что мы знаем о родителях Мальтуса. Что же касается матери, то о ней биографы хранят упорное молчание; она, по-видимому, рано умерла, не оказав на сына никакого заметного влияния. Скажем здесь кстати, что воспитание Мальтуса было вверено одним мужским рукам, влияние женского элемента не коснулось его ни в раннем детстве, ни позднее. Первым и главным воспитателем Мальтуса, сыгравшим немалую (хотя и довольно странную) роль в его жизни, был, без сомнения, его отец; на этой типичной, любопытной фигуре нам следует остановиться здесь немного дольше.

Даниель Мальтус родился в 1730 году. Свое образование он получил в Королевском колледже в Оксфорде, который оставил в 1747 году, не приобретя ни диплома, ни степеней. Это произошло не по недостатку средств, как полагали сначала иные биографы, потому что он был человеком состоятельным, и не вследствие его религиозного свободомыслия, потому что при матрикуляции он подписал требуемое заявление о своей принадлежности к государственной церкви, – причина этого лежала в том, что он совершенно не дорожил никакими внешними отличиями. Оставив университет, он не оставил дело своего образования; окруженный друзьями из литературного мира, Даниель Мальтус много читал, а затем и сам стал пробовать свои силы на литературном поприще. Как хорошему знатоку французской и немецкой литературы ему долгое время приписывался английский перевод «Поля и Виржини» и «Страданий молодого Вертера». Однако новейший биограф Мальтуса, Бонар, опровергает это и говорит, что он писал оригинальные статьи, имевшие большой успех в свое время, но неизвестные нам теперь вследствие их анонимности. Большой поклонник гуманной, освободительной философии XVIII века, Даниель Мальтус был лично знаком с некоторыми из своих знаменитых современников, в частности, с Юмом и Руссо; последний даже сделал его своим душеприказчиком.

Женившись, Мальтус-отец поселился в Суррейском графстве, близ Доркинга, где находилось его небольшое имение в местечке Рукери. Здесь и родился сначала старший его сын, Сайденгэм, а затем, 14 февраля 1766 года, младший, Томас Роберт, впоследствии автор «Опыта о народонаселении». Обстановка, в которой вырос мальчик, была вполне благопри-

ятна для его развития. Он не знал бедности и лишений, но в то же время не был избалован и большим богатством; детство Роберта протекало в деревне, на лоне природы, в живописнейшей местности, в доме обыкновенного английского помещика средней руки. Окружающие любили отца Мальтуса как умного, любезного человека, составлявшего украшение прихода, но в то же время несколько эксцентричного, довольствовавшегося обществом детей и немногих знакомых. Все свое время Даниель Мальтус проводил или в своем кабинете за книгами, или занимаясь ботаникой и изучая природу. В длинные зимние вечера он любил сидеть у камина, мечтая о грядущих веках и о будущем счастье всего человечества. В доме тогда было тихо и чинно, всякий сидел за каким-нибудь делом, а с улицы доносились только шум ветра да однообразные крики грачей...

В таких условиях и при таком отце маленький Роберт должен был рано обнаружить склонность к книжным занятиям и к размышлениям. Он не был, однако, ребенком тихим, лимфатическим, склонным к сидячей жизни, какими обыкновенно бывали примерные, ученические дети. Напротив, обладая хорошим здоровьем и веселым открытым характером, Роберт любил общество и игры, в которых вместе с его братом участвовал иногда и отец. Последний предоставлял своим детям много свободы, и это вытекало у него из его общих философских и педагогических взглядов. Поклонник Руссо и всякой «естественности», насквозь проникнутый идеями «Эмиля», Даниель Мальтус полагал, что известного рода *laissez faire* – лучшая система воспитания. К обычному воспитанию в общественных заведениях он чувствовал большое недоверие, вынесенное им, вероятно, из собственного опыта, и потому старался дать сыновьям образование домашнее, сам направляя их занятия и удовлетворяя их умственную пытливость. Многое, однако, он предоставлял их самостоятельности, возлагая большие надежды на внешние условия и естественную любознательность детей.

В Роберте обнаружили скоро особенные способности. Тогда, не полагаясь на одни свои силы, отец решил поискать ему воспитателя. Он верил, что дети отличаются всеми теми достоинствами и недостатками, какие были свойственны их родителям в их годы, и потому, полагал, что для его сына всего полезнее будут те самые люди, которые оказали и на него в свое время хорошее влияние. Рассуждая таким образом, Мальтус-отец остановился на одном из своих старинных знакомых, мистере Ричарде Грэвсе, и в 1776 году отправил к нему своего младшего сына обучаться латинскому языку и хорошим манерам. Воспитатель десятилетнего Роберта, или Дон Роберто, как его здесь стали называть, был человеком старым, весьма образованным и автором «Духовного Дон Кихота», этой очень известной в свое время, но несколько грубой сатиры против религиозных распрей вообще и против двух английских теологов в частности. Не имея педагогического призвания, Грэвс не особенно много внимания уделял своим воспитанникам, которых у него было несколько, а потому не удивительно, что они занимались больше междоусобной бранью, нежели латинским языком; хорошие манеры при этом прививались тоже не очень усердно. Отец Мальтуса был не очень доволен педагогическими приемами своего старого друга, поэтому счел нужным взять сына от мистера Грэвса и передать его в другие руки.

Новым воспитателем Роберта был человек весьма замечательный и довольно известный в тогдашнем английском обществе: Жильберт Уэкфильд. Он принадлежал к числу тех непокорных священников, которые отказались принять «39 статей», формулировавших впервые при Елизавете основные догматы английской церкви. Примкнув к диссидентам, Уэкфильд сделался профессором в Варрингтонской академии, основанной для того, чтобы давать «либеральное образование» детям его единоверцев; сюда же посылали своих сыновей и те из верных господствующей церкви англичан, которые, подобно Даниелю Мальтусу, сами придерживаясь свободных взглядов в вопросах религии, желали и своих сыновей воспитывать в том же духе. Уэкфильд, однако, был очень далек от действительного религиозного свободомыслия; отвергнув «39 статей», он стал фанатиком диссидентства. Описывая своего учителя лет 20

спустя, Мальтус рисует его нам как человека стойкого и идеально честного, не способного идти ни на какие компромиссы и совершенно бескорыстного, в обществе скромного и любезного, но неумеренного и заносчивого в публичных диспутах религиозного характера. Неумеренностью и грубостью отличалась и его литературная полемика с Пэном, известным представителем английского рационализма, автором сочинений «Век разума» и «Права человека». Это не мешало Уэкфильду придерживаться очень правильных и трезвых взглядов на воспитание. «Величайшая услуга, которую может принести воспитатель молодому человеку, – говаривал он, – это научить его пользоваться своими собственными силами и вести к знанию постепенно, так, чтобы тот видел путь, которым он идет, и наслаждался сознанием своих способностей и своих успехов. Иначе могут выйти Только куклы и полужайки».

Если детям умственно слабым и неспособным подобная система могла оказаться не по плечу, то Мальтусу она принесла много пользы. Его независимый и смелый ум, воспитанный деревенской свободой и бессистемными, случайными занятиями у мистера Грэвса, обогатился теперь при умелом содействии Уэкфильда значительным запасом знаний. Правду сказать, судьба удивительно благоприятствовала развитию мальчика. Сами по себе оба главных его воспитателя: Уэкфильд, сектант и религиозный фанатик, и Мальтус-отец, немного фантастический последователь французской философии, – не представляли собой примеров для подражания и были далеки от идеала спокойного, лишеного всякой предвзятости искания истины. Но кроме некоторого фанатизма, их сближало еще глубокое отвращение ко всякому духовному гнету над несозревшим умом их воспитанника. В этом отношении они избежали ошибки многих хороших, честных, но близоруких родителей, полагающих задачу воспитания не в том, чтобы только развить способности и дать познания ребенку, но чтобы еще и привить ему определенные убеждения и заставить смотреть на вещи известными глазами. Поэтому в то время как подобные эксперименты кончаются обыкновенно неудачно, или гибельно отзываясь на умственных силах воспитываемых, или поселяя раздор между ними и воспитателями, в данном случае получилось совершенно иное: юноша Роберт обогатился не сухим, мертвым знанием, но богатым материалом для собственных размышлений; он научился относиться критически ко всему окружающему и в то же время сохранил глубокое уважение к своим воспитателям, с которыми он уже тогда расходился в некоторых взглядах.

Из рук мистера Уэкфильда молодой Мальтус перешел в иезуитскую коллегию в Кембридже. Сказавшееся в этом шаге решение избрать духовную профессию биографы Мальтуса объясняют отчасти влиянием Уэкфильда, окончившего свое образование именно в этом заведении и устроившего в нем своего воспитанника, отчасти желанием самого юноши приобрести обеспеченное материальное положение, в котором Мальтус нуждался, потому что как младший сын он не наследовал в имуществе отца, перешедшем сполна его брату. Надо думать, что его решение сформировалось не без влияния и хорошей постановки преподавания в иезуитской коллегии. Поступив туда в 1785 году, Мальтус с жаром принимается за занятия. Подобно своему отцу, совершенно равнодушный к наградам и одобрениям учителей, он руководится только своею неутомимой жаждою занятия и своим особенным пристрастием в то время к языкам, к истории и к изящной, литературе; не ища их, он удостоивается, однако, наград за декламацию, за латинский и греческий языки. Но всего ярче обнаружилось в коллегии математические способности Мальтуса, как об этом свидетельствует один из его преподавателей, Френд, автор политического трактата «Мир и союз».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.